

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2019

2 (8)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

К 200-летию

Института востоковедения РАН

*To the 200th Anniversary
of the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences*

**Рецензируемый научный журнал Института востоковедения РАН
Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации**

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

В. П. Андросов	И. Д. Звягельская
А. В. Акимов	Т. А. Карасова
Л. Б. Алаев	Е. Л. Катасонова
Ю. Г. Александров	А. И. Кобзев
А. К. Аликберов	В. А. Кузнецов
В. М. Алпатов	Ю. В. Любимов
С. Э. Бабкин	Н. М. Мамедова
А. Г. Белова	Д. В. Микульский
В. Я. Белокреницкий	Д. В. Мосяков
С. А. Бурлак	В. Н. Настич
Е. Ю. Ванина	К. В. Орлова
Д. Д. Васильев	С. А. Панарин
А. В. Воронцов	Н. И. Пригарина
А. В. Демченко	Н. Г. Романова (<i>зам. гл. редактора</i>)
А. С. Десницкий	А. В. Сарасьев
А. Ю. Другов	В. Н. Саутов
А. С. Железняков	З. М. Шаляпина
А. О. Захаров	Т. А. Шаумян

Редакция

Д. В. Дубровская (*ответственный секретарь*)
С. Е. Малых (*научный редактор*)

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – С. В. Ветхов; макет и верстка – С. Е. Малых

На обложке: Мали, мечеть в деревне Дьундуру
(*фото П. А. Куценкова*)

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES**

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2019

2 (8)

Published quarterly

Founded in February, 2018

**Moscow
IOS RAS**

Peer-reviewed journal of the Institute of Oriental Studies RAS

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

V. P. Androsov	N. M. Mamedova
A. V. Akimov	D. V. Mikulskiy
L. B. Alaev	D. V. Mosyakov
Y. G. Aleksandrov	V. N. Nastich
A. K. Alikberov	K. V. Orlova
V. M. Alpatov	S. A. Panarin
S. E. Babkin	N. I. Prigarina
V. Y. Belokrenitskiy	N. G. Romanova (<i>deputy ed.-in-chief</i>)
A. G. Belova	A. V. Sarabyev
S. A. Burlak	V. N. Sautov
A. V. Demchenko	Z. M. Shalyapina
A. S. Desnitskiy	T. L. Shaumyan
A. Y. Drugov	E. Y. Vanina
T. A. Karasova	D. D. Vasilyev
E. L. Katasonova	A. V. Vorontsov
A. I. Kobzev	A. O. Zakharov
V. A. Kuznetsov	A. S. Zheleznyakov
Y. V. Lyubimov	I. D. Zvyagelskaya

Editorial Group

Dinara V. Dubrovskaya (*Executive Editor*)
Svetlana E. Malykh (*Scholarly Editor*)

Вестник Института востоковедения РАН. № 2 (8). — М.: ИВ РАН, 2019. — 340 с.

ISSN 2618-7302

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН,
редколлегии и редакции журнала.

Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых
авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

© Институт востоковедения РАН, 2019
© Редакция журнала «Вестник ИВ РАН»
(составитель), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
К 200-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН	
<i>Алаев А. Б.</i> «Разбирая связки старых писем...» (опыт общения со старшим товарищем)	10
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Куценков П. А., Ванюкова Д. В., Лаврентьева Н. В.</i> Экспедиция в Республику Мали (Страна догонов, регион Мопти) в январе 2019 г.	25
<i>Лебедев М. А.</i> «Сделал он памятник этот»: строительные слои мероитского времени в храме Абу Эртейлы (Судан)	39
<i>Малых С. Е.</i> Вещественная сторона функционирования мероитского культового комплекса на керамическом материале из главного здания храма в Абу Эртейле (Судан)	56
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ВОСТОКОВЕДЕНИИ	
<i>Прусаков Д. Б.</i> Нил до гидростроительства: речной бассейн и предыстория «водохранилищ столетия» (к проблеме «голоценового моря» в Среднем Египте)	74
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВОСТОКА	
<i>Куватова В. З.</i> Следы амарнского стиля в рельефах древнеегипетской гробницы Петосириса (Туна эль-Гебель)	91
<i>Атманова Ю. Г.</i> Индийский панегирик в ракурсе визуальной семиотики: вербальный и изобразительный тексты могольского монаршего портрета. Часть II	106
ВОСТОЧНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ	
<i>Выщигиков Е. Г.</i> Прогулка по городу с Хануманом (представления об идеальном городе и <i>кхандхаваре</i> в «Рамаяне», «Артхашастре» и палийских источниках)	115
<i>Скворцова Е. А.</i> О танатологии японского мыслителя Имамита Томонобу	130
РЕЛИГИИ ВОСТОКА. БУДДИЗМ	
<i>Александрова Н. В., Русанов М. А.</i> Первое подношение Будде: бедная трапеза и богатство смыслов. Часть II	143
PAX MONGOLICA	
<i>Кадырбаев А. III.</i> Тюркские мамлюки в стране пирамид в эпоху монгольского нашествия (XIII–XIV вв).	155
<i>Кузьмин С. А.</i> Монголы на службе атамана Г. М. Семенова и барона Р. Ф. Унгерна	167
ORIENT ET OCCIDENT	
<i>Молодяков В. Э.</i> Колониальный Тайвань 1920-х гг. глазами британских аналитиков: Оуэн Раттер и Френсис Пиггот	186

РОССИЯ И ВОСТОК	
<i>Цвижба А. П.</i> Натухайцы в системе политики Российской империи	194
<i>Авдаков П. Ю.</i> История торговли России со странами Востока на Нижегородской ярмарке	203
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В XXI ВЕКЕ	
<i>Ахмедов В. М.</i> Турецкий выбор	214
<i>Беляков В. В.</i> Изменения в конституции Египта 2014 г.	221
<i>Горбунова Н. М., Иванова П. П.</i> Газ в Восточном Средиземноморье как причина новых конфликтов стран региона	226
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ВОСТОКА	
<i>Столяров А. А.</i> Буддийские нарративные источники о начале династии Палов	235
<i>Болдырев А. В.</i> О некоторых материалах по истории Османской империи кабинета-библиотеки имени академика В. А. Гордлевского Института востоковедения РАН	241
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ	
<i>Глушкова П. П.</i> В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть II. «Рог изобилия» и свобода трудного выбора	247
ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ	
<i>Погребенко Т. Г.</i> Можно ли считать, что кхмерский язык — это язык с «декоративной» морфологией? (Критика взглядов Дж. Хаймана на кхмерский язык)	256
<i>Столбова О. В.</i> Некоторые дополнения к «бинарной теории редупликации» («замещающая редупликация» в чадских языках и в аккадском)	268
<i>Демич К. П., Костыркин А. В.</i> Старые вызовы и новые решения в вычислительной среде: возможности формата оболочки «Лексикотроника» для Электронного японско-русского словаря. Часть I	275
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Белокреницкий В. Я.</i> Рецензия на книгу В. В. Наумкина «Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами»	292
<i>Полхов С. А.</i> Рецензия на: В. А. Матвеев «Экзистенциально-онтологические основания политической культуры Японии периода Нара (VII–VIII вв.)»	302
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Гусева А. В.</i> Первая Восточная секция на VIII международной научной конференции «Актуальные проблемы теории и истории искусства. Границы и горизонты» (2–6 октября 2018 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)	315
<i>Козлова А. А.</i> Махатма Ганди и индийская современность	319
<i>Шустова А. М.</i> Международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» как важный вклад в развитие российского востоковедения	326
ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ	
<i>Глушкова П. П.</i> На побегушках. Притхвираджд Таур о слуге по имени Тукарам	334

CONTENTS

Editorial 9

TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

Alayev L. B. “Delving through the Old Letters...” (Memories of Communication with a Senior Colleague) 10

FIELD STUDIES

Kutsenkov P. A., Vanyukova D. V., Lavrentyeva N. V. Expedition to the Republic of Mali (Dogon Country, Mopti region) 25

Lebedev M. A. “I Made This Monument”: Construction Layers of the Meroitic Period in a Temple at Abu Erteila (Sudan) 39

Malykh S. E. The Material Aspect of the Functioning of the Meroitic Cult Complex Based on the Ceramics from the Main Building of the Temple in Abu Erteila (Sudan) 56

NATURAL SCIENTIFIC METHODS IN THE ORIENTAL STUDIES

Proussakov D. B. The Nile Before the Hydraulic Construction: The River Drainage Basin and Prehistory of the “Century Storage” (to the Problem of “Holocene Sea” in Middle Egypt) 74

VISUALISING ORIENT

Kuvatova V. Z. Stylistic Traces of Amarna Art in Reliefs of the Ancient Egyptian Tomb of Petosiris (Tuna al-Gebel Necropolis) 91

Atmanova Y. G. Indian Eulogy from the Perspective of Visual Semiotics: Verbal and Pictorial Texts of Mughal Royal Portrait. Part II 106

ORIENTAL MENTALITY

Vyrshchikov Ye. G. Walk Around the City with Hanuman (Ideas about the Ideal City and *Khandhavara* in the “Ramayana”, the “Arthashastra” and the Pali Sources) 115

Skvortsova E. L. On Thanatology in Japanese Philosopher Imamichi Tomonobu’s Thought 130

RELIGIONS OF THE ORIENT. BUDDHISM

Aleksandrova N. V., Rusanov M. A. The First Offering to Buddha: A Poor Meal, But a Wealth of Meanings. Part II 143

PAX MONGOLICA

Kadyrbaev A. Sh. Turkish Mameluks in Egypt and Syria during the Mongol Invasion (13th–14th centuries) 155

Kuzmin S. L. Mongols in the Service of Ataman G. M. Semenov and Baron R. F. Ungern 167

ORIENT ET OCCIDENT

Molodiakov V. E. Colonial Taiwan in the 1920s as Seen by British Analysts: Owen Rutter and Francis S. G. Piggot 186

RUSSIA AND ORIENT	
<i>Tsvizhba L. I.</i> Natukhai People in the Political System of the Russian Empire	194
<i>Andakov I. Y.</i> The History of Russian Trade with the Countries of Orient at the Nizhegorodskaya Fair	203
ECONOMY AND POLITICS OF ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES IN THE 21 ST CENTURY	
<i>Akhmedov V. M.</i> Turkey's Choice	214
<i>Belyakov V. V.</i> Changes in Egyptian 2014 Constitution	221
<i>Gorbunova N. M., Ivanova I. I.</i> Natural Gas in the Eastern Mediterranean as a Trigger of New Conflicts Between the Countries of the Region	226
ORIENTAL SOURCE STUDIES	
<i>Stolyarov A. A.</i> Buddhist Narrative Sources on the Beginning of the Pāla Dynasty	235
<i>Boldyrev A. V.</i> About Some Materials on the History of the Ottoman Empire of the Office-Library of Academician V. A. Gordlevsky in the Institute of Oriental Studies RAS	241
PROBLEMS OF METHODOLOGY	
<i>Glushkova I. P.</i> In Search of Emotions under the Skies of South Asia, Or an Invitation to the 'Affective Discourse'. Part II. "The Cornucopia" and Freedom of Difficult Choice	247
ORIENTAL LANGUAGES	
<i>Pogibenko T. G.</i> Is Khmer a Language with "Decorative" Morphology? (On John Haiman's Vision of Khmer)	256
<i>Stolbova O. V.</i> Some Additions to the "Dual Theory of Reduplication" ("Replacing Reduplication" in Chadic Languages and in Akkadian)	268
<i>Demitch K. I., Kostyrkin A. V.</i> Old Challenges and New Solutions in Digital Environment: The Potential of "Lexicotronica" Japanese Dictionary Shell Application's File Format. Part I	275
CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS	
<i>Belokrenitsky V. Ya.</i> Review of the Monograph of Vitaly V. Naumkin "The Partnership Failed. Soviet Diplomacy in Saudi Arabia between World Wars"	292
<i>Polkhov S. A.</i> Review: "Existential-Ontological Foundations of the Political Culture of Japan in the Nara Period (7 th –8 th centuries)" (PhD Dissertation by V. A. Matveenko)	302
ACADEMIC EVENTS	
<i>Guseva A. V.</i> First Oriental Panel at the 8 th International Conference "Actual Problems of Theory and History of Art. Borders and Horizons" (October 2–6, 2018, Moscow Lomonosov State University)	315
<i>Kozłova A. A.</i> Mahatma Gandhi and Indian Modernity	319
<i>Shustova A. M.</i> International Conference "Tibetology and Buddhism at the Intersection of Science and Religion" as an Important Contribution to Russian Oriental Studies	326
TRANSLATIONS AND COMMENTARIES	
<i>Glushkova I. P.</i> Running Errands. Prithviraj Taur about a Servant Named Tukaram	334

**ПЕРВОЕ ПОДНОШЕНИЕ БУДДЕ:
БЕДНАЯ ТРАПЕЗА И БОГАТСТВО СМЫСЛОВ. ЧАСТЬ II**

© 2019

Н. В. Александрова, М. А. Русанов*

Во второй части статьи, посвященной агиографическому сюжету о двух купцах, ставших первыми буддийскими донаторами, рассматриваются важные эпизоды, анализ которых проливает свет на проблемы, связанные с ролью мирян в общине в период ее формирования. Рассказы об обретении чаши для подаяния, о принятии благотворителей в сангху, о получении ими реликвий позволяют составить представление об идеях, лежавших в основе взаимодействия монашеского сообщества и светских последователей буддийского учения. Исследование основано на использовании как индийских (санскритских и палийских), так и китайских буддийских текстов.

Ключевые слова: буддизм, буддийская агиография, буддийская община, литература винаи, почитание реликвий.

**THE FIRST OFFERING TO BUDDHA:
A POOR MEAL, BUT A WEALTH OF MEANING. PART II**

Natalia V. Aleksandrova, Maxim A. Rusanov

In the second part of the article devoted to the hagiographic story of the two merchants who became the first Buddhist donators we continue to consider important episodes of the legend. Analysis of this data sheds light on the problems of the role of lay people in the early community. The narratives about receiving the alms bowl, about acceptance of the benefactors into the Buddhist community, about getting of the relics allow better understanding the concepts underlying the interaction of the monastic fraternity with the Buddhist laity. The study is based on the research of Indian Buddhist texts in Sanskrit and Pali, as well as on Chinese written sources.

Keywords: Buddhism, Buddhist hagiography, Buddhist community, Vinaya literature, Relic Worship.

* Наталья Владимировна АЛЕКСАНДРОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; surnevo@mail.ru

Natalia V. ALEKSANDROVA; PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Senior Research Fellow, Institute of Oriental and Classical Studies, National Research University — Higher School of Economics, Moscow; surnevo@mail.ru

Максим Альбертович РУСАНОВ, кандидат филологических наук, профессор Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; marusanov@yandex.ru

Maxim A. RUSANOV, PhD (Philology), Professor, Institute of Oriental and Classical Studies, National Research University — Higher School of Economics, Moscow; marusanov@yandex.ru

В первой части нашей работы были рассмотрены начальные эпизоды буддийского предания о Трапуше и Бхаллике — двух купцах, совершивших первое подношение Будде после его просветления и ставших первыми буддистами-мирянами. Анализ различных вариантов рассказа о встрече торговцев с Татхагатой и приношении ими пицци позволил сделать вывод о связи этой части легенды с культом деревьев, который всегда был широко распространен в Индии¹.

Еще один важный элемент, присутствующий во всех версиях сюжета о Трапуше и Бхаллике, — это подношение чаши богами.

Будда, готовый принять подношение купцов, задумывается о том, как он может это сделать. Во всех текстах в той или иной форме провозглашается, что он не может взять предложенную ему пищу в руки. Мотивировка этого запрета также довольно единообразна: «Татхагаты не принимают [еду] в руки» (na kho tathāgatā hatthesu paṭiggaṇhanti)².

«Виная дхармагуптаков» дает размышления Будды в более развернутой форме: «Тогда Почитаемый в Мире подумал так: “Вот два человека совершили подношение меда и жареного зерна. В какой же сосуд я приму это?” Затем он сказал: “Будды прошлого, татхагаты, достигшие правильного просветления, чем пользовались, чтобы принять [подношение] еды? Будды, Почитаемые в Мире, не принимали еду в руки”»³.

Особенно четкая формулировка содержится в «Винае махишасаков»: «Почитаемый в Мире подумал: “Все будды прошлого принимали [подаяние] с помощью патры (鉢). Так же будут поступать и будущие будды. Я теперь должен принять дар, используя патру”»⁴.

Боги-хранители четырех сторон света без слов понимают мысль Татхагаты. Ни в одном из текстов Будда не обращается к богам с просьбой. Всякий раз они узнают о его потребности сверхъестественным образом.

Согласно палийской Винае, четыре божества сторон света приносят Бхагавану «четыре каменные чаши» (cattāro selamaṇe patte). Такая же ситуация представлена и в Винае дхармагуптаков, согласно которой боги принесли «каменные чаши» (石鉢). В тексте махишасаков значатся «чистые и благоуханные каменные чаши» (香淨石鉢), которые охарактеризованы эпитетом 自然, что можно истолковать как «[возникшие] сами собой». Смысл этого определения помогает понять текст из «Сутры о благом явлении царевича», переведенной Чжи-цянем: «Тогда четыре царя богов, издавек узнав, что Будде нужна чаша (鉢), подобно людям, кланяясь и сложив руки [в знак почитания] (如人屈申臂頃), отправились на гору Эна (頽那山). Стоило им только подумать об этом, как изнутри камня сами собой появились четыре чаши — благоуханные, чистые,

¹ О буддийском мотиве приношения пицци, связанном с культом деревьев, см. также [Александрова, 2018, с. 39, 43].

² Vinaya, Mahāvagga, I, 4 // *Pāli Tipiṭaka*. URL: <https://tipitaka.org/romn/> (дата обращения 01.03.2019).

³ 四分律, 姚秦罽賓三藏佛陀耶舍共竺佛念等譯. T1428, 22.0781c28– 0782a02 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

⁴ 彌沙塞部和醯五分律, 宋罽賓三藏佛陀什共竺道生等譯. T1421, 22.0103a22–23 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

незапятнанные (石中自然出四鉢。香淨潔無穢). Каждый из четырех богов взял по одной чаше, они вернулись и преподнесли их Будде»⁵.

Остается неясным, какой индийский топоним (вероятно, мифологический) стоит за транскрипцией *Эна* (頹那), но для нашей темы имеет значение, что чаши не изготовлены ремесленником, не созданы богами, а являются порождением горы.

Такое же дарение четырех каменных чаш фигурирует и в «Сангхабхедавасту» [Saṅghabhedavastu, I, 1977, p. 122–126].

В других памятниках этот эпизод усложнен введением дополнительного мотива. Так, в «Ниданакатхе» Будда не сразу принимает дар богов: «Тогда, узнав его мысли, Четыре Великих Правителя с четырех сторон света поднесли чаши, сделанные из сапфира (indanīlamanīmaṃye patte). Бхагаван отверг их. И они снова поднесли четыре чаши, сделанные из камня бобового цвета (? muggavaṇṇaselamaye)» [Jātakaṭṭhakathā, 1992, p. 210].

В «Махавасту» приводится целый список драгоценных материалов, чаши из которых были отвергнуты Бхагаваном; он согласился принять лишь «четыре каменные чаши» (catvāro śailapātrāṇi) [Mahāvastu, 2004, p. 181–182].

Особый вариант сюжета предлагает санскритская «Лалитавистара». «Дарение чаши» здесь также начинается с пространного перечня драгоценностей, из которых были изготовлены сосуды, не принятые Татхагатой. Однако далее в рассказ вводятся новые персонажи. Один из богов сторон света вспоминает событие, имевшее место когда-то в прошлом: «Тогда Великий Правитель Вайшравана обратился к трем другим Великим Правителям:

— Почтенные, боги из разряда Синих (nīlakāyika) отдали нам четыре каменные чаши (śailapātrāṇi). Тогда мы подумали: “Будем из них есть”. Но бог из разряда Синих по имени Вайрочана сказал нам:

(84) Не ешьте из этих сосудов, храните их, достойных почитания как чайтъя; [когда] будет Победитель по имени Шакьямуни, преподнесите эти чаши ему.

(85) Почтенные, [пришло] время, [настал] срок преподнести Шакьямуни сосуды; с пением и игрой на музыкальных инструментах, мы отдадим чаши, совершив поклонение.

(86) Он — сосуд, состоящий из дхармы (bhājanam dharmamaṃyam), который не разобьется, а эти каменные сосуды могут быть разбиты, никто другой не сможет [их] принять — пойдем, чтобы [они] были приняты» [Lalitavistara, 1987, p. 317–318].

Никаких других упоминаний о богах «из разряда Синих» в буддийской литературе обнаружено не было [Edgerton, 1998, vol. II, p. 310]. Можно только сказать, что они мыслятся как группа, занимающая более высокое положение, чем боги четырех сторон света (mahārāja «Великие Правители»).

Финал эпизода выглядит одинаково во всех текстах. Будда соединяет все четыре чаши и делает из них одну. При этом он руководствуется мыслью, что, приняв чашу одного бога, он лишит заслуги трех остальных. Упоминаются и линии, идущие вдоль края чаши Будды и оставшиеся от соединения сосудов.

⁵ 佛說太子瑞應本起經, 吳月支優婆塞支謙譯. T0185, 03.0479b01–04 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

Первый вопрос, возникающий при анализе эпизода дарения чаши, — это вопрос о необходимости этого предмета монашеского обихода. Почему Будда говорит, что он не может принять предложенную ему пищу в руки? В категорическом утверждении, что Татхагаты никогда не берут подношение в руки, содержится хотя и не сформулированное, но вполне ясное противопоставление себя и своих норм поведения другим людям и их нормам. Если требуется подчеркнуть, что будды чего-то не делают, значит, есть кто-то, кто делает именно так. Показательно, что в ранней версии «Аалитавистары» (перевод Фа-ху) прямо говорится: «Не следует, как другие подвижники, получать еду в руки» (不宜如餘道人手受食也)⁶. Действительно, среди приверженцев иных шраманских учений, противников и оппонентов буддизма, пользовалось популярностью идея полного отказа от какого-либо личного имущества. Так, адживики и часть джайнов не носили одежду, рассматривая наготу как важный элемент подвижничества. В «Махасаччака-сутте» последователи Маккхали Госалы (адживики), охарактеризованы как «лижущие [свои] руки» (*hatthāpalekhana*) — по мнению ряда исследователей, это говорит о том, что монахи-адживики не имели чаш, а принимали подаяние непосредственно в руки. Хотя существуют и контексты, где говорится, что Маккхали носил чашу [Basham, 2002, p. 118, 121]. В текстах брахманизма имеются упоминания о подвижниках (*parivrājaka*), которые, достигнув высокой степени самосовершенствования, бросали в воду свое последнее имущество — набедренную повязку, посох и кувшин (*kamaṇḍalu*), становясь свободными от любых привязанностей к предметному миру [Paramahansa-parivrājakopaniṣad, 1983, p. 419]. В канонических текстах джайнов-шветамбаров монаху разрешается иметь чашу (*paḍiggahā*, *rāya*; или даже две чаши — для твердой и мягкой пищи) [Schubring, 2000, p. 258–259]. Однако в стихах тамильского поэта Самбандара (VII в. н. э.), шивайта и убежденного противника шраманских религий, буддисты регулярно описываются как «обладатели чаш», а джайны как «те, кто ест с руки, стоя на ногах» [Павлова, 2014, с. 135]. По-видимому, слова о татхагатах, которые не принимают милостыню в руки, подразумевают противопоставление буддистов сторонникам аскетических практик, чьи лидеры, как и Будда, претендовали на достижение просветления.

В то же время наличие постоянной чаши отличает Будду (и буддийского монаха) не только от приверженцев крайнего аскетизма, но и от обычных мирян. Традиционно в Индии посуда, использовавшаяся для еды, была одноразовой. Не только пальмовые листья, на которые клали вареный рис, но и глиняные и деревянные сосуды выбрасывали сразу после употребления [Сюань-цзан, 2012, с. 61].

Таким образом, обладание чашей предстает не просто как элемент быта, использование предмета, который делает получение милостыни более удобным, но как непрменный атрибут и отличительный знак монаха из буддийской общины. Согласно Винае, чаша входит в число восьми личных принадлежностей (*parikkhāra*) монаха. Получение и смена чаши сопровождаются специальными обрядовыми действиями [Urasak, 2001, p. 133–135].

Однако среди прочих предметов монашеского обихода чаша имела особое значение. Буддийская сангха состоит из монахов (*bhikṣu*) и мирян (*upāsaka*), первые

⁶ 佛說普曜經, 西晉月氏三藏竺法護譯. T0186, 03.0526c01 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

стремятся достичь освобождения, а вторые, не имея такой возможности, ставят своей целью получение «заслуг» (рпуга). Наиболее регулярный способ обретения «заслуги» — это милостыня; именно с ее помощью мирянин обеспечивает существование монаха. Можно сказать, что чаша является своеобразной «точкой схождения» интересов: в ней монах получает пищу, необходимую для поддержания тела в состоянии способности к медитации и проповеди, а мирянин совершает даяние пищи, обеспечивающее ему благое рождение в будущем.

Чаша Будды — это своего рода прообраз всякой монашеской чаши, она тоже сопряжена с этими же смыслами: божества обещают Трапуше и Бхаллике возможность обрести великую заслугу, а медитирующему под деревом Будде, которому предстоит отправиться в Мригадаву и произнести первую проповедь, необходима пища. При этом чаша Будды отличается от чаши обычного монаха: она воспринимается как святыня, и потому агнографический сюжет предлагает обоснование для ее особого сакрального статуса. Если монахи получают чашу как дарение от мирян, то чаша Будды — это дар богов. Боги-хранители четырех сторон света приносят четыре чаши, т. е. каждая из них ассоциирована с определенной стороной света; в руках Будды они соединяются воедино — через этот агнографический мотив чаша Татхагаты предстает в качестве центра мироздания.

Особым является и материал, из которого сделана чаша. Обычные монашеские чаши делались из глины или железа. Изготовление чаши из дерева и драгоценных материалов рассматривается в Винае как серьезная провинность, запрещалось также использование в качестве посуды тыквы и черепа [Urasak, 2001, p. 134]. В ряде версий предания Будда, действительно, отказывается от драгоценных сосудов, его чаша сделана из камня. В двух версиях предания — в сутрах, переведенных Чжи-цзянем и Фа-ху — чаши, подаренные богами, сами собой (自然) возникают из горы. Следовательно, они не созданы богами и не принадлежали богам, они пребывают в мире изначально, будучи предназначены Будде.

В реальной жизни каменная чаша вряд ли была возможна: она была слишком тяжелой, чтобы монахи могли носить ее с собой. Чаша из камня — скорее не предмет обихода, а изображение предмета, объект поклонения, который должен покоиться в святилище.

Прямое сопоставление чаши со святилищем мы находим в санскритской «Лалитавистаре», где бог Вайрочана говорит богам четырех сторон света: «Не ешьте из этих сосудов, храните их, достойных почитания как чайтья» (mā eṣu bhokṣyatha bhājaneṣu dhāretime cetiyasammatīte). Этот же образ в развернутом виде представлен в записках Сюань-цзана в рассказе о строительстве первых ступ в Балхе, представляющем собой продолжение истории двух купцов. Когда Трапуша и Бхаллика, собираясь на родину, спросили Будду, как следует почитать реликвии, он молча расстелил на земле свою одежду, поставил на нее опрокинутую чашу, а над ней водрузил посох «подобно тому порядку, как сооружается ступа» [Сюань-цзан 2012, с. 47]. Иными словами, чаша Татхагаты стала прообразом купола ступы.

Прекрасный рассказ о дальнейшей судьбе чаши Будды приводит китайский паломник V в. Фа-сянь: «В этой стране Фа-сянь слушал, как некий индийский монах, восседая на высоком сиденье, произносил сутру, гласившую: “Первоначально патра Будды пребывала в Вайшали, ныне пребывает в Гандхаре”. Через много сотен лет —

когда Фа-сянь слушал проповедь, число лет было точно указано, но теперь он его не помнит — перейдет в страну западных юэчжей, еще через много сотен лет — в страну Хотан, еще через много сотен лет — в Ханьскую землю, еще через много сотен лет — в страну Симхала, еще через много сотен лет — вернется в Индию. Затем она вознесется на небеса Тушита. Бодхисаттва Майтрейя увидит патру и произнесет в восхищении: “Явилась патра почтенного Будды Шакиямуни!” Дэвы соберутся и семь дней будут приносить дары цветами и благовониями. По истечении же семи дней она возвратится в Джамбудвипу, и царь морских драконов внесет ее в драконий дворец. Ко времени, когда Майтрейе суждено обрести просветление, патра вновь разделится на четыре части и вернется к изначальному своему месту — на гору Аньна. Когда Майтрейя достигнет просветления, четыре царя дэвов вновь обратят свои помыслы к Будде, как это было во времена прежнего учения Будды. Все 1000 будд бхадракальпы будут владеть одной патрой.

Когда исчезнет патра, иссякнет [время] учения Будды. Когда иссякнет учение Будды, срок жизни людей сократится до пяти лет, и в эти пять лет всего будет не хватать — и риса, и масла. Тогда народ, жестоко озлоблен, станет выдирать траву и деревья, но [травы] превратятся в ножи, [а деревья] — в палки; и все бросятся друг друга колотить, резать да убивать. Но останутся еще среди них достойные, и удалятся они в горы. Когда все грешники перебьют друг друга, они вернутся и станут говорить между собой так: “В прошлые времена жизнь людей была очень долга, и лишь из-за дурных дел и поступков, противных учению, срок нашей жизни сократился до пяти лет. Ныне нам всем должно следовать добру, возвращать в сердце любовь и сострадание, утверждать веру и добродетель. И, если каждый последует вере и добродетели, срок жизни человеческой удлинится до 80 000 лет. Когда же в мир явится Майтрейя и начнет вращать Колесо Учения, то прежде всего спасет тех последователей Учения, завещанного Шакей, кто ушел от мира, кто принял ‘три защиты’, кто приносил дары ‘трем сокровищам’. Во вторую же и в третью очередь он спасет тех, кто связан [мирскими узами]”. Фа-сянь пожелал переписать эту сутру, но сей человек сказал: “Это не сутра, но откровение моего сердца”» [Александрова 2008, с. 147–148].

В этом фрагменте чаша отождествляется с самой дхармой: время странствий этой реликвии по миру приравнивается к периоду существования буддийского учения, а ее уход из земного мира равнозначен исчезновению общины Будды Шакиямуни⁷.

Дарение чаши — важнейший в смысловом отношении эпизод рассказов о Трапуше и Бхаллике, но сюжет о подношении купцов на этом не заканчивается: дарители должны были получить то «благо», которое было обещано божеством, прервавшим их путь.

Согласно всем текстам, Трапуша и Бхаллика становятся первыми буддистами-мирянами (*upāsaka*). Для этого им следовало произнести известную формулу о «принятии прибежищ» (*śaraṇa*, пали *saraṇa*). В отличие от обычного перечисления «трех прибежищ» — Будда, дхарма, сангха — они называют лишь два, поскольку сангха, буддийская община, еще не существует. В палийской Винае купцы произносят слова о прибежищах по собственной инициативе, но в других памятниках говорится, что Будда призвал их сделать это.

⁷ Еще о символике патры см.: [Александрова 2008, с. 96].

В Винае дхармагуптаков этот эпизод представлен следующим образом:

Он принял у торговцев жареное зерно и мед и, приняв у торговцев жареное зерно и мед, прибегнул к разъяснениям (勸喻) и обратил (開化) их [в истинное учение]. Он произнес клятвенное обещание:

«Поскольку вы совершили дарение,
вы непременно обретете пользу и истину;
Если совершать дарение с радостью,
То непременно обретешь блаженство и радость!
Вы, торговцы, теперь можете прибегнуть к Будде, прибегнуть к дхарме».

Они выслушали наставление Будды и сказали: «О обладающий великой добродетелью, мы теперь прибегаем к Будде, прибегаем к дхарме». Они стали первыми среди *упасаков* (優婆塞) и получили два прибежища. Эти два брата-торговца — самые главные [среди мирян]⁸.

Это первенство и главенство Трапуши и Бхаллики среди буддистов-мирян подчеркивается во всех источниках. Модель существования буддийской общины, основанная на получении монахами даров от мирян, которые, в свою очередь, приобретают религиозную заслугу (рцуа), заложена именно в этом эпизоде.

Собственно, рцуа и есть то «благо», которое божество сулило караванщикам, призывая их совершить подношение. Это «благо» мыслится не как некая абстракция, в ряде текстов оно разворачивается в длинную череду благ, которые ожидают дарителей в ближайшем будущем. Так, в «Сутре о благом явлении царевича» Будда обращается к Трапуше и Бхаллике с пространной речью, в которой обещает награду не только им, но и всем жертвователям: «Ныне вы, податели пищи, обрели великую силу. И в будущем во все времена дарители будут обретать намерение [достичь просветления], будут обретать прекрасный облик, будут обретать силу, будут обретать почтительность, будут обретать радость. Они будут пребывать в блаженстве, избавятся от болезней, получают постоянную защиту и долголетие. Зловредные духи не смогут беспокоить их и приблизиться к ним. Имея благие помыслы, они утвердятся в добродетели, проникнут в сущее. Благие духи постоянно будут охранять их (...)»⁹.

В наиболее развернутом виде тема награды, ожидающей новообращенных купцов, присутствует в «Махавасту» [Mahāvastu, 2004, p. 182–185] и «Лалитавистаре» [Lalitavistara, 1987, p. 322–326]. Эти памятники содержат два варианта одного стихотворного текста, представляющего собой весьма многословное благословение, адресованное странствующим торговцам. Фрагмент построен как перечень космологических элементов, распределенных по сторонам света. В какую бы сторону ни отправились купцы, их ждет удача:

dhanaiṣiṇāṃ prayātānāṃ vaṇijāṃ vai diśo daśa |
utpadyantāṃ mahālābhās te ca santu sukhodayāḥ || [Lalitavistara, 1987, p. 323, строфа 111].

⁸ 四分律, 姚秦罽賓三藏佛陀耶舍共竺佛念等譯. T1428, 22.0782a06–13 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

⁹ 佛說太子瑞應本起經, 吳月支優婆塞支謙譯. T0185, 03.0479b10–13 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

«У купцов, стремящихся к богатству, отправившихся в десять сторон света, пусть появится великая прибыль, и пусть будут они удачливы в начинаниях».

Далее речь идет о четырех главных сторонах света: каждая из них характеризуется через перечисление связанных с ней созвездий и божественных существ. Всякий раз называется имя Великого Правителя, т. е. божества-хранителя стороны света, упоминаются его сыновья и обитающие там божественные девы. Для востока и юга названы также святилища (*celiya*), для запада и севера — священные горы. Каждый из этих элементов буддийского космоса объявляется покровителем купцов-караванщиков.

Можно высказать предположение, что этот фрагмент из «Махавасту» и «Лалитавистары» некогда был самостоятельным текстом, имевшим хождение в качестве ритуального благословения для торговцев, отправляющихся в дальний путь. Однако его включение в рассказ о Трапуше и Бхаллике выглядит вполне органичным. Он становится благопожеланием, которое сам Будда произнес во имя успеха двух купцов, которым предстояло долгое путешествие, что создавало прецедент, позволявший монахам таким же образом благословлять других купцов, поддерживавших общину.

Интересно отметить также и то, что в «Лалитавистаре» благословение торговцев дополнено «пророчеством» (*vyākaraṇa*), в котором Будда предрекает, что Трапуша и Бхаллика станут Победителями (*jīna*), т. е. сами достигнут просветления [Lalitavistara, 1987, р. 326, строфы 153–154]. Это значит, что Татхагата объявляет двух купцов не только мирянами, но и бодхисаттвами. Такое дополнение можно рассматривать как реализацию в сутре махаянских идей.

Однако в «Лалитавистаре», где повествование украшено многими деталями и отступлениями, отсутствует важный элемент истории Трапуши и Бхаллики, представленный во многих других памятниках. Два странствующих купца, сделавшись первыми мирянами, стали также и первыми строителями буддийского святилища.

Согласно «Нидана-катхе», покидая Будду, купцы попросили его дать им некий предмет для поклонения (*paricāritabbatṭhāna*). Бхагаван провел правой рукой по голове и вручил новообращенным прядь своих волос в качестве реликвии (*kesadhātu*). Прибыв в родной город, торговцы поместили святыню в золотой ларец и воздвигли над ним чайтью [Jātattṭhakathā, р. 211]. В «Махавасту» Будда вручает купцам не только прядь волос, но и кончики своих ногтей, вследствие чего они воздвигают не одно святилище, а два — «ступу волос» (*keśastūpa*) и «ступу ногтей» (*nakhastūpa*).

В палийской Винае и Винае махишасаков эпизода вручения реликвий нет, но в Винае дхармагуптаков он изложен с наибольшей полнотой:

Затем два торговца обратились к Будде: «Теперь мы хотим отправиться отсюда в родные места. Скажи, когда мы придем туда, как можем обрести заслугу (福 *puṇa*)? Как совершать поклонения и подношения?» Почитаемый в Мире понял их мысль. Он дал им [прядь] волос и [кусочек] ногтя и сказал: «Возьмите это и отправляйтесь в путь, вы обретете заслугу, совершая поклонение и подношения [этим реликвиям]». Тогда торговцы, хотя и получили волосы и ноготь, не могли с должным чувством совершать подношения [этому] и сказали: «Такие волосы и ногти обычные люди считают не имеющими ценности предметами, которые выбрасывают. Скажи, как Почитаемый в Мире будет принимать у нас подношения?» Почитаемый в Мире понял сокровенные мысли торговцев. Он сказал торговцам: «Вы никогда не должны позволять [такого же]

пренебрежительного отношения к волосам и ногтям Татхагаты, как к волосам, выросшим [у людей]. И не должны говорить, что обычные люди считают их не имеющими ценности. Вы спрашиваете — как Татхагата повелевает вам совершать подношения? Торговцы должны знать: повсюду — в мире богов, [среди богов мира] Мары (魔眾), [среди богов мира] Брахмы (梵眾), среди шраманов и брахманов — боги и люди совершают подношения и поклонение волосам и ногтям Татхагаты. Пусть боги и обычные люди, [боги мира] Мары, [боги мира] Брахмы, шраманы и брахманы обретут заслуги, которые нельзя измерить»¹⁰.

Как можно видеть, история Трапуши и Бхаллики призвана очертить круг обязанностей буддиста-мирянина, которые являются одновременно способом обретения «заслуг». Причем, если в одних памятниках главной добродетелью *уасаки* провозглашается подношение даров (в первую очередь — пищи), то в других к этому добавляется почитание реликвий и строительство ступ. Как известно, основным каноническим текстом, в котором обосновывается сооружение ступ и поклонение мощам Татхагаты, является «Махапаринирвана-сутра». В ней речь идет о погребальных ритуалах, совершаемых после ухода Будды из мира и завершающихся получением мощей. Соответственно, тема ступы в этой сутре связана именно с преданием о появлении мощей. В рассматриваемом же нами сюжете возведение ступ и поклонение им фигурируют как элемент поведения идеального мирянина.

В некоторых вариантах предания история о подношении пищи осложнена еще одним эпизодом. Еда, которую принесли купцы, вызвала у Будды недомогание. Такую версию финальной части рассказа мы обнаруживаем в «Махавасту». Правда, в интересующем нас фрагменте текст ключевой фразы в издании Э. Сенара неясен: *vāñijakānām madhutarpaṇam pītam pītena bhagavato te sa abhiṣyanditā* [Mahāvastu, 2004, p. 181–186], но если принять амендации, предложенные Ф. Эджертоном [Edgerton, 1998, vol. II, p. 57, сл. ст. “abhiṣyandati”] и Дж. Джонсом [Mahāvastu, 1956, p. 298, n.3], и читать *pittā... abhiṣyanditā*, то можно предложить перевод: «Вкусил медовое кушанье купцов, и желчь [у него] пришла к переизбытку». Тогда логика рассказа становится достаточно ясной. Впервые поев после семи дней голодания, Будда почувствовал себя плохо. Узнав об этом, Шакра принес ему плод *харитаки* (*harītakī*, Terminalia Chebula). Приняв этот плод в качестве лекарства, Бхагаван исцелился. Оставшийся черенок он посадил в землю, и в течение дня на этом месте выросло большое дерево с плодами и цветами, ставшее первым «чудесным деревом» (*rddhīvrkṣa*), созданным Буддой.

В «Сангхабхедавасту» этот эпизод рассказан с иными подробностями. Получив подношение купцов, Будда с чашей отправился на берег Найранджаны, где съел мед и лепешки. Еда вызвала у него недомогание, названное в тексте *vātābādhikam glānyam* «слабость из-за болезни, [вызванной] ветром [в теле]». Это стало известно «злодею Маре», который тут же явился и предложил Татхагате уйти в паринирвану, потому что наступило «время для паринирваны». Будда ответил, что не уйдет из мира до тех пор, пока у него не будет учеников — монахов и монахинь, мирян и мирянок. Как и в «Махавасту», бог Шакра принес Просветленному плод харитаки, который способствовал исцелению [Saṅghabhedavastu, 1977, vol. I, p. 126].

¹⁰ 四分律, 姚秦罽賓三藏佛陀耶舍共竺佛念等譯. T1428, 22.0782a13–25 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

Еще один вариант эпизода содержит Виная дхармагуптаков: «Тогда два брата-торговца встали с сиденья и снова отправились в путь. А Почитаемый в Мире, съев жареное зерно и мед, скрестив ноги и, не двигаясь, сидел под деревом. Он погрузился в медитацию освобождения и предавался радости. Через семь дней он поднялся из медитации. В теле у него было движение ветра (風動). То дерево называлось Джамбудвиша, поскольку оно [стояло в середине] земли, называемой Джамбудвиша (閻浮提). Он ушел от него к стоящему недалеко дереву *харитаки* (訶梨勒 haritakī). Дух этого дерева сразу уверовал в Будду. Он взял плод *харитаки* и преподнес его Почитаемому в Мире. Поклонился ему и встал в стороне. Дух дерева обратился к Будде и сказал Почитаемому в Мире: “Поскольку ты съел жареное зерно и мед, в твоём теле ветер пришел в движение. Хочу, чтобы ты теперь съел этот плод. Как только ты съешь его, он сразу же подействует как лекарство и удалит внутренний ветер”. Тогда Почитаемый в Мире из сострадания принял тот [плод] и сказал: “Теперь ты прибегни к Будде и прибегни к дхарме”. Тот ответил: “Пусть будет так, я прибегаю к Будде и прибегаю к дхарме”. И все духи приняли прибежище, но дух дерева *харитаки* был самым первым. Тогда Почитаемый в Мире съел плод *харитаки* и под тем деревом сидел семь дней, погруженный в размышления, не двигаясь»¹¹.

Этот способный вызвать недоумение эпизод присутствует не во всех памятниках. Не удивительно, что его нет в «Лалитавистаре», где Бодхисаттва представлен как «бог над богами», самое совершенное существо, которое вряд ли может страдать от расстройства желудка. Но ситуации с недомоганием от первой трапезы после просветления нет и в палийской Винае. По-видимому, идея, которую данная ситуация привносит в агиографический сюжет, заключается в демонстрации того, что после достижения просветления Будда остается земным человеком — его тело все так же подвержено недугам и нуждается в лекарственных средствах. Сюжет разрабатывается по-разному, приобретая дополнительные смыслы. В «Махавасту» история завершается появлением первого «чудесного дерева», созданного Буддой. Это лишний раз подчеркивает глубокую связь буддизма с культом деревьев. Еще более развернуто эта тема представлена у дхармагуптаков: целебный плод предлагает не бог Шакра, а дух дерева, который далее, как и два странствующих купца, становится членом буддийской общины. В «Сангхабхедавасту» появление Мары, предлагающего Будде сразу уйти в паринирвану, создает смысловую связь с рассказом из «Махапариниббана-сутты», согласно которому Будда испытывает недомогание после своей последней трапезы и Мара наставляет на его уходе.

Неожиданный вариант развития агиографического сюжета дает Виная махипасаков. В ней эпизод с недомоганием следует сразу за рассказом о просветлении, и лишь после исцеления Будды к нему приходят купцы.

«Тогда в теле Почитаемого в Мире возникло недомогание, связанное с ветром (風患). Дух горы Масура (? 摩修羅) взял плод *харитаки* (訶梨勒) и преподнес Будде, чтобы Будда съел его и устранил недомогание, связанное с ветром. Будда взял его, съел, и недомогание, связанное с ветром, сразу устранилось. Он сел, скрестив ноги, и сидел семь дней, испытывая радость освобождения (解脫). По прошествии семи дней он встал

¹¹ 四分律, 姚秦罽賓三藏佛陀耶舍共竺佛念等譯. T1428, 22.0785c26– 0786a11 // *The SAT Daizokyo Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

из медитации и отправился к людям. В то время [поблизости] были пятьсот торговцев, которые ехали на пятистах повозках...»¹²

В этом рассказе болезнь Просветленного не увязывается с угощением, преподнесенным Трапушей и Бхалликой. Вероятно, такая перестановка, делающая недуг немотивированным, была призвана снять с первых буддийских донаторов возможное обвинение в том, что их пища послужила причиной болезни Татхагаты.

При всех вариантах рассматриваемого эпизода за ним стоит единая трактовка образа Будды как существа, хотя и достигшего освобождения от страданий, но наделенного бранным человеческим телом. Его повседневная жизнь — образец для всех последующих поколений монахов, которые будут достигать состояния архата, но останутся подверженными болезням и испытывающими потребность в лечении.

Нужно отметить, что данный эпизод, видимо, не случайно не был воспринят составителями большинства агиографических памятников, поскольку он лежит вне того круга проблем, которые стоят за повествованием о двух купцах, предложивших Просветленному свое скромное угощение.

В завершение следует обобщить предложенные выше наблюдения, рассматривая предание о первом подношении Будде как единое целое.

Рассказ о Бхаллике и Трапуше строится как череда эпизодов, каждый из которых несет свою смысловую нагрузку. При этом в качестве сквозной темы, объединяющей все элементы сюжета, выступает установление роли мирян внутри буддийской общины.

Само появление института мирян (*urāsaka*) предание связывает как раз с эпизодом подношения купцов, совершенного сразу после просветления Будды. Трапуша и Бхаллика становятся прообразом всех *upasakov*, живущих семейной жизнью, но поддерживающих монастырские сообщества. Формирование сангхи начинается именно с них, поскольку проповедь в Оленьем Парке, положившая начало обращению первых монахов, еще не была произнесена.

По ходу развития сюжета в центре внимания оказываются различные аспекты проблемы взаимоотношений мирян и монахов. Первая часть рассказа — прибытие купцов на место действия и сама сцена подношения — содержит осмысление милостыни как ритуального действия. Еда, которую домохозяйин дает подвижнику, сидящему под деревом, предстает в качестве «замены» жертвенной пиццы, приносимой божеству дерева. Культы локальных божеств, столь важные в индийской народной культуре, были использованы для формирования буддийской топографии. Буддийский сакральный локус становится преемственным по отношению к архаичным культовым центрам.

Следующий сюжетный мотив — обретение чаши для сбора подаяния — представляет отношения между буддистами, отрешившимися от мира, и теми, кто остается в миру, в виде предмета-символа. Чаша Будды, прообраз всех монашеских чаш, всячески превозносится в рассказе: она имеет божественное происхождение, она центр мироздания, она приравнивается к святилищу (чайтэ). Мирянин, помещая свое подношение в чашу монаха, соприкасается с предметом высокого сакрального статуса.

Дальнейшее развитие действия — принятие «двух защит» и благословение, произнесенное Буддой, — эксплицитно выражает главные мотивировки, которыми

¹² 彌沙塞部和醯五分律, 宋罽賓三藏佛陀什共竺道生等譯. T1421, 22.0103a08–12 // *The SAT Daizokyo Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).

должны руководствоваться купцы-караванщики, посещающие священные места буддизма. Они обретают не только «заслуги», влияющие на их дальнейшие перерождения, но и получают покровительство божественных сил во всех своих начинаниях.

Эпизод вручения реликвий представляет собой важнейший акт, утверждающий особый статус мирянина в буддийской общине. Именно он (а не монах) становится строителем культовых сооружений, связанных с почитанием мощей. Эти святилища позволяют создавать «присутствие» Будды даже в тех местах, где он никогда не бывал (купцы увозят полученные реликвии на большое расстояние), тем самым создавая основу для распространения религии и делая ее способной охватывать все новые и новые территории.

Литература / References

- Александрова Н. В. *Путь и текст. Китайские паломники в Индии*. М., 2008 [Aleksandrova N. V. *The Path and the Text: Chinese Pilgrims in India*. Moscow, 2008 (in Russian)].
- Александрова Н. В. Сакральная топография Бодх-гаи и текстовая традиция // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 5. С. 38–47 [Aleksandrova N. V. The Sacred Topography of Bodh-Gaya and Buddhist Narration // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN (Journal of the Institute of Oriental Studies RAS)*. 2018. 5. Pp. 38–47 (in Russian)].
- Павлова М. Б. *Проблемы раннесредневекового тамильского бхакти (на материале гимнов шиваитского поэта Тируньянасамбандара)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2014 [Pavlova M. B. *Problems of Early Medieval Tamil Bhakti (on the Material of the Hymns of the Saiva Poet Tiruñyanasambandar)*. PhD thesis. Moscow, 2014 (in Russian)].
- Сюань-цзан. *Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан*. Введение, перевод с китайского и комментарий Н. В. Александровой. М., 2012 [Xuan-zang. *Notes on the Western Lands [Composed under] the Great Tang*. Introduction, Translation and Commentary by N. Aleksandrova. Moscow, 2012 (in Russian)].
- Basham A. L. *History and Doctrines of the Ājīvikas. A Vanished Indian Religion*. Delhi, 2002.
- Edgerton F. *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary*. Vol. I-II. Delhi, 1998.
- Jātaṭṭhakatthā of śrī Buddhaghoṣa*. Critically Edited and Annotated with Notes by Prof. Lakshmi Narayan Tiwari. Varanasi, 1992.
- Lalitavistara*. First edition ed. by P. L. Vaidya, second edition ed. by Shridhar Tripathi. *Buddhist Sanskrit Texts*. No.1. Darbhanga, 1987.
- Mahāvastu Avadāna*. Ed. by Dr. S. Bagchi. Vol. III. Darbhanga, 2004.
- The Mahāvastu*. Translated from the Buddhist Sanskrit by J. J. Jones. Vol. III. London, 1956.
- Paramahaṃsaparivṛājakoṇiṣad. One Hundred and Eight Upanishads*. Varanasi, 1983.
- Sanḡhabbedavastu. The Gilgit Manuscript of the Sanḡhabbedavastu*. Part I. Ed. by Raniero Gnoli. Serie Orientale Roma. Vol. XLIX.1. Roma, 1977.
- Schubring W. *The Doctrine of the Jainas Described after the Old Sources*. Delhi, 2000.
- Upasak C.S. *Dictionary of Early Buddhist Monastic Terms (Based on Pali Literature)*. Nalanda, 2001.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- The SAT Daiṣōkyō Text Database*. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения 04.07.2019).
- Vinaya, Mahāvagga, I, 4 // *Pāli Tipiṭaka*. URL: <https://tipitaka.org/romn/> (дата обращения 01.03.2019).